

В. Успенский

**Семиотика и информатика.
Выпуск 35**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
В11

В11 **В. Успенский**
Семиотика и информатика. Выпуск 35 / В. Успенский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2019. – 400 с.

ISBN 978-5-519-51161-2

Очередной, 35-й выпуск периодического сборника "Семиотика и информа-
тика" необычен. В него входят избранные лингвистические статьи, опублико-
ванные в номерах "Семиотики" прошлых лет (с 1 по 28 выпуск включительно)
и прочно вошедшие в научный оборот, но ставшие библиографической редко-
стью.

ISBN 978-5-519-51161-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.</i> О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных (1974).....	7
<i>И. А. Мельчук.</i> Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) (1975)	15
<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.</i> К типологии относительного предложения (1975).....	59
<i>Г. Е. Крейдлин.</i> Лексема ДАЖЕ (1975)	108
<i>В. И. Гаврилова.</i> Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения (1975)	121
<i>Н. В. Перцов.</i> О синтаксической конструкции как о грамматическом средстве языка (1978)	140
<i>В. А. Успенский.</i> О вещных коннотациях абстрактных существительных (1979).....	146
<i>А. В. Гладкий.</i> О значении союза ЕСЛИ (1982).....	153
<i>Е. В. Падучева.</i> Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла (1982)	184
<i>М. А. Кронгауз.</i> Тип референции именных групп с местоимениями ВСЕ, ВСЯКИЙ, КАЖДЫЙ (1984).....	227
<i>С. А. Крылов.</i> Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы (1984)	244
<i>Ю. Д. Апресян.</i> Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986)	272
<i>Л. П. Крысин.</i> Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц (1986)	299

II

<i>И. Ньютон.</i> Об универсальном языке.....	319
<i>Г. Фреге.</i> Смысл и денотат	351
<i>Г. Фреге.</i> Понятие и вещь	380

CONTENTS

I

<i>A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva.</i> On contextual synonymy of singular and plural forms of nouns (1974).....	7
<i>I. A. Mel'čuk.</i> Towards a system of formal notions for morphology (1975)	15
<i>A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva.</i> Towards a typology of relative clause (1975).....	59
<i>G. E. Kreidlin.</i> The lexeme DAZHE (1975)	108
<i>V. I. Gavrilova.</i> Verbs of «joining»: semantic, syntactic and morphological properties (1975)	121
<i>N. V. Pertsov.</i> Syntactic construction as a grammatical means (1978)	140
<i>V. A. Uspensky.</i> On material connotations of abstract nouns (1979)	146
<i>A. V. Gladky.</i> The meaning of the conjunction ESLI (1982)	153
<i>E. V. Paducheva.</i> Linguistic communication in Lewis Carroll's tales (1982)	184
<i>M. A. Kronhaus.</i> Reference type of NPs including pronouns VSE, VSJAKIJ, KAZHDYJ (1984)	227
<i>S. A. Krylov.</i> Determination and the Russian nouns: theoretical issues (1984)	244
<i>Ju. D. Apresyan.</i> Deixis in the lexicon and grammar and the folk model of the world (1986)	272
<i>L. P. Krysin.</i> Social constraints in semantics and combinability of linguistic units (1986).....	299

II

<i>I. Newton.</i> On an Universall Language	319
<i>G. Frege.</i> Sense and reference.	351
<i>G. Frege.</i> Concept and thing	380

I

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

О КОНТЕКСТНОЙ СИНОНИМИИ ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В грамматиках (например, в работе [1]) обычно утверждается, что категория числа существительного создается противопоставлением словоформ со значением единичности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду один предмет некоторого рода, — и словоформ со значением раздельной множественности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду (а) более чем один предмет некоторого рода (но не указано, сколько); (б) предметы мыслятся расчлененно, а не как образующие в своей совокупности новый предмет (ср. *студенты — студенчество, тряпки — тряпье*).

Известно, однако, что в определенных контекстах существительное в ед. числе не имеет значения единичности; ср. предложение

(1) *Пожилый человек легко простужается*,
в котором словоформа *человек* не обозначает единичного человека и которое поэтому синонимично предложению

(1') *Пожилые люди легко простужаются*,
где слово *человек* употреблено во мн. числе. Рассмотрение примеров такого рода заставило некоторых лингвистов трактовать противопоставление ед. и мн. числа как привативную оппозицию, а именно, считать, что словоформы ед. числа характеризуются не тем, что в них имеется значение единичности, а тем,

что в них «отсутствует указание на какое-либо количество» [2, с. 89].

Такое описание не принимает, однако, во внимание, например, то обстоятельство, что и словоформы мн. числа могут употребляться как не содержащие информации «более, чем один»; ср. примеры из работ [3] и [4]:

(2) *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом;*

(3) *Не дави живых людей — я еще не умерла.*

Хорошо известны и другие примеры контекстов, в которых ед. число не имеет значения единичности, а множественное — множественности. Одним из них является сочетание с числительными. Во многих языках мира, например, тюркских или угро-финских, существительные в таких сочетаниях всегда стоят в ед. числе. В русском языке ситуация сложнее, ср. *два стола — пять столов* и *два стола — два часовых*. Такое соотношение можно описать либо как употребление ед. и мн. чисел, не соответствующее основному смыслу числового противопоставления, либо как наличие у русского существительного особой «счетной формы» [5], в которой противопоставление по числу отсутствует. На этом фоне даже ситуацию в языках типа латыни, где употребление чисел при числительных представляется прямо соответствующим смыслу (*unus homo — duo, quinque homines*), естественно рассматривать лишь как частный случай автоматического выбора числа.

Другим примером нейтрализации числового противопоставления является употребление ед. числа в так называемом дистрибутивном значении [6] ‘для каждого свой (своя, свое)’, как употреблено слово *нос* в примере

(4) *Советники надели на нос очки;*

ср. изменение числа при переводе этого предложения на другой язык:

(5) *The counselors put the spectacles on their noses.*

Тем самым для категории числа имеет место та же трудность, которая хорошо известна, например, по отношению к категории падежа, — трудность выявления такого значения каждой из категориальных форм числа, которое отражало бы все контексты ее употребления. Представляется вполне плодотворным, следуя принципу, сформулированному Е. Куриловичем [7], при описании значения словоформ ед. и мн. числа ориентироваться только на ограниченный круг исходных, первичных контекстов их употребления, а значения, возникающие в неисход-

ных, специальных контекстах — например, представленных примерами (1)-(5), — описывать отдельно¹. Аналогичным образом, значение форм ед. и мн. числа у так называемых неисчисляемых существительных типа *сахар*, *смелость* должно рассматриваться во вторую очередь, как возникающее в своего рода специальном контексте.

При анализе контекстов употребления словоформ ед. и мн. числа полезно рассматривать естественный язык в его соотношении с языками математической логики. В математической логике выражения, называющие предметы, делятся на имена (константы), которые обозначают конкретные предметы, и переменные, которые не обозначают никаких конкретных предметов («конкретные» понимаются не в противоположность абстрактным, а как синоним для слов «фиксированный», «выделенный», «определенный» и т. д.); при этом предложения с переменными имеют законченный смысл (т. е. выражают суждение) только в том случае, если переменная связана квантором — существования или всеобщности. Возникает, таким образом, естественное деление употреблений существительных на три группы: 1) употребления, при которых существительное обозначает конкретный объект; 2) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором существования; 3) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором всеобщности.

Противопоставление по числу является полноценным только для употреблений первой группы, и то не всегда, так как надо исключить, например, контекст с числительным и контекст, где ед. число имеет дистрибутивное значение. В употреблениях второй группы противопоставление 'один — более чем один' часто бывает, по естественным семантическим причинам, несущественным; действительно, если речь идет только о существовании, т. е. только о введении в рассмотрение некоторого рода предметов, то часто нет необходимости указывать их число (ср. [9]). Именно это обстоятельство приводит к употреблениям, представленным примером (3). Заметим, что в этих контекстах грамматичность категории числа в европейских языках часто становится обузой, вызывающей вполне ощутимые трудности

¹ Что касается поисков инвариантного значения грамматического противопоставления (см. Р. О. Якобсон [8]), то к ним естественно переходить только после того, как проведено исследование вариантов значения, возникающих в каждом контексте.

выражения, ср. пример О. Есперсена [10]: *The property was left to her child or children* 'Имущество было оставлено ее ребенку или детям'. Ср. также распространенное в языке математики употребление слов *существует, имеется* (выражающих квантор существования) в значении 'существует по крайней мере один'; например, в предложении *У всякого ромба существует ось симметрии* ед. число существительного *ось* не означает, что имеется в виду 'существует только одна ось'.

Наконец, в употреблениях третьей группы, т. е. в контексте всеобщности, ед. и мн. число существительных синонимичны, и для выражения какого-то смысла либо могут с одинаковым успехом употребляться оба числа, либо, как будет показано в дальнейшем, выбор какого-то одного числа обусловлен побочными соображениями, не связанными с основным значением числового противопоставления.

Примеры синонимических пар предложений, возникающих при замене ед. числа на множественное в контексте всеобщности (т. е. пар типа (1)-(1')), фигурируют во всех грамматиках. Тем не менее, точное описание условий, при которых эта замена возможна, отсутствует. Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы, а именно проанализируем ряд примеров, в которых замена единственного числа на множественное либо невозможна, либо требует сопутствующих изменений других элементов предложения. При этом мы ограничимся лишь предложениями, в которых всеобщность выражена эксплицитным образом (т. е. словами *всякий, никакой, каждый, любой*), а не имплицитно, как в предложении (1).

Перевод существительного во мн. число требует перевода во мн. число связанного с ним кванторного прилагательного. Интересный факт, причем касающийся не только русского языка, состоит в том, что почти все кванторные прилагательные имеют форму только одного числа, ср. работу [5], что отражает, видимо, их семантическую близость с числительными. Этот факт отчетливо выявляется, однако, лишь в том случае, если принять предложенную в работе [5] трактовку *pluralia tantum* как существительных, у которых ед. число не отсутствует, как считается обычно, а омонимично множественному, ср. *один дом* : *многие дома* = *одни сани* : *многие сани*; с точки зрения согласования с прилагательными *pluralia tantum* составляют, в таком случае, четвертый род, отличный от трех традиционных родов. Кроме того, для дальнейшего будет существенно, что с *pluralia tantum*, а точнее, с их ед. числом, семантически сходны сочета-

ния существительного с числительным — *пять минут, три точки* и т. д.: в обоих случаях называется некоторое единство, образованное двумя или более предметами, ср. *очки, бусы*, а также «нестойкие» *pluralia tantum* типа *сапоги, руки* в значении 'пара сапог', 'обе руки' и т. д.

Рассмотрим теперь последовательно интересующие нас кванторные прилагательные *всякий, никакой, каждый, любой, все*². Для слова *всякий* в рассматриваемом кванторном значении нельзя считать мн. числом *всякие* (имеющее значение 'всякого качества, подразумевается — в том числе плохого', например: *Люди попадают всякие*). Словоформа *всякие* от кванторного значения слова *всякий* употребляется только при существительных *pluralia tantum* и при сочетаниях существительного с числительным:

(6) *Бритва была бы здесь полезнее всяких ножниц;*

(7) *Всякие два разумных человека могут понять друг друга.*

Из сравнения (6) и (6') *Бритва была бы здесь полезнее всякого ножа* можно заключить, что словоформа *всяких* в (6) должна рассматриваться как словоформа ед. числа четвертого рода. Интерпретация же формы слова *всякие* в примере (7) зависит от того, как понимается его согласование. Предположение о том, что *всякий* согласуется с *человек*, наталкивается на большую трудность, состоящую в том, что слово *разумных*, которое можно было бы считать согласованным с существительным *человек*, стоит явно в другой форме. Естественнее предположить, что *всякие* согласуется не с существительным, а с сочетанием существительного с числительным (ср. согласование типа *дорогие папа и мама*). Тогда, учитывая сказанное выше о сходстве между сочетаниями существительного с числительным и *pluralia tantum*, *всякие* в (7) можно считать словоформой ед. числа четвертого рода. Таким образом, можно считать, что правило об отсутствии мн. числа у кванторного *всякий* не имеет исключений.

² Слова *всякий, каждый* и *любой* не являются, вообще говоря, полными синонимами, но семантических различий между ними мы здесь затрагивать не будем. Что же касается слова *никакой*, то оно находится в некотором регулярном соотношении со *всякий* — своего рода позиционным вариантом, который с большей или меньшей обязательностью замещает слово *всякий* в контексте отрицательно-сказуемого, ср.: **Всякий пионер не боится волков* $\Rightarrow$ *Никакой пионер не боится волков*; **Всякий человек не обязан подчиняться* $\Rightarrow$ *Никакой человек не обязан подчиняться*.

Слова *каждый* и *любой* устроены совершенно так же, как и *всякий*. Словоформы *каждые*, *любые* также не являются формами подлинного мн. числа, т. е. употребляются (в значении, соотносимом со значением ед. числа) только в контекстах типа *каждые сутки*, *любые сани* или *каждые две недели*, *любые два человека*; ср.: *Он пьет каждый день* — **Он пьет каждые дни*; *Любой человек на это согласится* — **Любые люди на это согласятся*.

С другой стороны, слово *все* имеет только форму мн. числа. В словарях слово *все* обычно интерпретируется как форма мн. числа от слова *весь*; однако в действительности значение слова *весь* — ‘целиком’ — при переводе определяемого существительного во мн. число не сохраняется: *Я помню весь рассказ* = *Я помню один имеющийся в виду рассказ целиком*; *Я помню все рассказы* = *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов* (≠ *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов целиком*). Иначе говоря, *все* не имеет значения ‘целиком каждый предмет, о множестве предметов’. Опять-таки, утверждению об отсутствии мн. числа у *весь* не противоречат употребления типа *Извел все чернила*; *Все руки исцарапаны*; *Просидел дома все пять дней*: во всех этих случаях *все* можно рассматривать как словоформу ед. числа четвертого рода.

Семантически *все* может интерпретироваться как слово, восполняющее отсутствующую форму мн. числа от слов *всякий*, *каждый*, *любой*³. Таким образом, первое из изменений, которые происходят при замене единственного числа на множественное — это замена кванторных слов *всякий*, *каждый*, *любой* на *все*. Единственное из рассматриваемых кванторных слов, которое устроено морфологически как обычное прилагательное (т. е. имеет наряду с единственным числом также подлинное множественное), — это слово *никакой*, ср. *никакая точка*, *никакие точки* (наряду с *никакие две точки*).

Перейдем теперь к другим изменениям в предложении, которыми может сопровождаться замена единственного числа на множественное. Рассмотрим следующий пример:

³ Семантически *все* ближе всего к *всякий*. Заметим, что и с точки зрения морфемной структуры соотношение в паре *все* — *всякий* не является уникальным для русского языка; ср. *все* : *всякий* = *два* : *двойкий* = *три* : *тройкий*; *предметы всех родов* : *предметы двух родов* = *предметы всякого рода* : *предметы двойкого рода*.

(8) *Каждый пионер посадил дерево* — (8') *Все пионеры посадили по дереву* — (8'') *Все пионеры посадили дерево*.

Предложение (8) отличается от предложения (8'') тем, что в (8) существительное в ед. числе имеет дистрибутивное значение: *дерево* — имеется в виду 'для каждого пионера свое дерево'. Сохранение этого значения может обеспечиваться введением предлога *по*, связанного со словом *дерево*; однако такое преобразование возможно лишь для существительного (и то не для всякого), которое является подлежащим или прямым дополнением; ср. невозможность этого преобразования ниже в примере (11).

Вместо сохранения ед. числа в дистрибутивном значении при переводе основного существительного во мн. число возможна замена дистрибутивного ед. числа множественным:

(9) *Каждый мальчик подошел к своему отцу* = (9') *Все мальчики подошли к своим отцам*.

Предложение (9'') *Все мальчики подошли к своему отцу* не синонимично (9) и (9'), так как понимается, скорее всего, 'к своему общему отцу'. Однако замена дистрибутивного единственного числа на множественное возможна не во всех контекстах; ср.

(10) *Каждый был снисходителен к своему фавориту* ≠

(10') *Все были снисходительны к своим фаворитам*,

так как (10') допускает понимание, при котором у каждого был более чем один фаворит, а в (10) фаворит заведомо только один⁴.

Рассмотрим теперь некоторые предложения, в которых замена ед. числа на множественное невозможна:

(11) *Каждый студент сделал в работе некоторую ошибку* ≠

(11') *Все студенты сделали в работе некоторую ошибку*,

так как в (11) имеется в виду 'каждый свою', а в (11') — 'общую', а ни одно из описанных преобразований здесь неприменимо. Если слово *некоторый* заменить на *какой-нибудь*, которое в данном контексте ему синонимично, то перевод во мн. число становится возможным:

(12) *Каждый студент сделал в работе какую-нибудь ошибку* =

⁴ Заметим, что помимо семантических соображений (отец, вообще говоря, один, а число фаворитов не ограничено), возможность замены дистрибутивного единственного числа на множественное может определяться также какими-то чисто формальными соображениями, специфичными для каждого языка, ср. примеры (4) и (5).

(12') Все студенты сделали в работе какую-нибудь ошибку.

Более сложным для анализа является следующий пример:

(13) В эту клетку можно поместить любое животное $\neq$

(13') В эту клетку можно поместить всех животных.

Здесь подразумевается не только слово со значением 'для каждого свой', как в (8), но и существительное (со значением 'время, момент времени'), с которым оно связано: в (13) имеется в виду, что животное можно поместить в клетку в какой-то момент времени, для каждого животного свой, а предложение (13') понимается без распределения во времени, что и создает несинонимичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка. Т. 1, М., 1960.
2. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
3. Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968.
4. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное» множественное число в русском языке // Вопросы языкознания, 1969, № 3.
5. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
6. Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947.
7. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
8. Jakobson R. O. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus // TCLP, 6, 1936.
9. Падучева Е. В. Два подхода к семантическому анализу категории числа // To honor Roman Jakobson. The Hague—Paris, 1968.
10. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Впервые опубликовано в: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, № 4, 1974 г., с. 30-35.